ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 10 | 2026. Volume 19. Issue 10
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Речевой акт соболезнования в немецком языке: социальная роль говорящего и вариативность языковых средств (на материале текстов о гибели Лауры Дальмайер)

Логинова А. А.

Аннотация. Статья посвящена анализу речевого акта соболезнования в современном немецком языке с позиций прагматики говорящего на материале текстов, опубликованных в связи с трагической гибелью немецкой биатлонистки Лауры Дальмайер в 2025 году. Цель исследования – выявить корреляцию между социальной ролью говорящего, типом текста и выбором языковых средств выражения соболезнования в немецком языке. Материалом послужили 143 текста, стратифицированные по трем группам авторов: институциональные (политики, спортивные федерации), приватно-публичные (семья, коллеги, друзья) и цифровые комментаторы (пользователи социальных сетей). Научная новизна состоит в том, что впервые на материале единого информационного повода предложена типология речевых стратегий соболезнования, учитывающая корреляцию между социальной позицией говорящего (статус, близость к умершей, канал коммуникации), его интенциональной установкой и набором языковых средств. Полученные результаты показали, что институциональные авторы используют перформативные формулы, номинализации и обращение в третьем лице, реализуя интенцию репрезентации института; приватно-публичные авторы обращаются к умершей во втором лице, используют эмотивную лексику и личные воспоминания, реализуя интенцию солидаризации через личный опыт общения; цифровые комментаторы, не имеющие объективной связи с погибшей, конструируют право на соболезнование через саморефлексию о скорби по незнакомцу, гиперболизацию эмоций и эмодзи, реализуя интенцию аффилиации. Установлено, что варьирование языковых средств соболезнования в немецком языке определяется не только информационным поводом, но и социальной дистанцией между говорящим и умершей, а также жанрово-коммуникативными особенностями текста.

EN

The speech act of condolence in the German language: the speaker's social role and linguistic variation (based on texts on the death of Laura Dahlmeier)

A. A. Loginova

Abstract. The article analyzes the speech act of condolence in contemporary German from the perspective of speaker pragmatics, drawing on texts published in connection with the tragic death of German biathlete Laura Dahlmeier in 2025. The study aims to identify the correlation between the speaker's social role, text type, and the choice of linguistic means used to express condolences in German. The research material comprises 143 texts stratified across three author groups: institutional (politicians, sports federations), private-public (family, colleagues, friends), and digital commentators (social media users). The scientific novelty lies in proposing, for the first time on the basis of a single media trigger, a typology of condolence speech strategies that accounts for the correlation among the speaker's social position (status, closeness to the deceased, communication channel), their intentional stance, and their inventory of linguistic devices. The results demonstrate that institutional authors employ performative formulas, nominalizations, and third-person address, thereby realizing the intention of institutional representation. Private-public authors address the deceased in the second person, using emotive vocabulary and personal reminiscences to realize the intention of solidarity rooted in personal shared experience. Digital commentators, who lack an objective connection to the deceased, construct their entitlement to offer condolences through self-reflection on grieving a stranger, emotional hyperbolization, and emojis, thereby enacting an affiliative intention. The study establishes that the variation of linguistic means of condolence in German is governed not only by the news event itself, but also by the social distance between the speaker and the deceased, as well as by the genre and communicative characteristics of the text.

Научная статья (original research article) | **https://doi.org/10.30853/phil20260481**

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Введение

Актуальность настоящего исследования определяется совокупностью экстралингвистических и научных факторов, которые в последние годы сделали проблему функционирования речевого акта соболезнования в немецком языке особенно значимой.

За последнее десятилетие публичная коммуникация претерпела существенные изменения. Соболезнование перестало быть исключительно приватным или институциональным жанром и реализуется сегодня в едином цифровом пространстве, где заявления политиков, институциональные и частные некрологи, посты организаций и комментарии пользователей социальных сетей сосуществуют в общей коммуникативной ситуации. Это создает принципиально новую прагматическую конфигурацию, в которой речевой акт соболезнования вынужден обслуживать разные интенции.

Речевой акт соболезнования неоднократно становился объектом прагмалингвистического анализа: с точки зрения иллокутивной силы и типологии, смысловой структуры, различных типов дискурса и жанровой принадлежности. Потребность в комплексном анализе продиктована в первую очередь развитием прагмалингвистики, которая отчетливее осознает необходимость перехода от описания отдельных речевых актов к анализу целостных коммуникативных ситуаций, в которых один акт реализуется разными субъектами на разных каналах связи. Речевой акт соболезнования представляет собой показательный материал для такого анализа: он ритуализирован, эмоционально нагружен, культурно специфичен и при этом чрезвычайно чувствителен к смене адресата. Изучение вариативности его реализации позволяет уточнить теоретические представления о соотношении интенции, социальной роли и выбора языковых средств, а также о границах между институциональным и приватным дискурсами. Гибель Лауры Дальмайер создала необходимую по полноте коммуникативную ситуацию: один информационный повод породил корпус текстов, авторы которых обладают принципиально разным статусом и степенью близости к умершей. Это позволяет выявить корреляцию между содержанием и тональностью соболезнования, что невозможно сделать на корпусе, ограниченном одним типом автора.

Более того, необходимость в стратифицированном анализе соболезнования связана с общественной практикой. В немецкоязычной культуре соболезнование обладает высокой степенью ритуализации (Логинова, 2024). Нарушение конвенциональности акта воспринимается как коммуникативная неудача, а в условиях цифровизации, когда соболезнование все чаще выражается публично и в письменной форме, риск прагматических сбоев возрастает. Рассмотрение адаптации традиционных средств к новым каналам коммуникации и варьирования соболезнования в зависимости от статуса автора значимо не только для языкознания и исследований в области публичной риторики, кризисной коммуникации и цифровой этики, но и представляет практическую ценность для межкультурной коммуникации, преподавания немецкого языка и подготовки специалистов, работающих с немецкоязычной аудиторией.

Таким образом, настоящее исследование призвано обобщить эти достижения и предложить типологию речевых стратегий соболезнования, учитывающую интенциональную установку говорящего, его социальную роль и степень близости к умершей.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1) определить критерии выделения трех групп авторов на основе их статуса, характера связи с умершей и коммуникативного канала; 2) охарактеризовать интенциональную структуру каждой группы, а именно доминирующие коммуникативные цели и их реализацию в конкретных речевых актах; 3) провести сопоставительный анализ языковых средств по следующим параметрам: способы номинации умершей, формы обращения к ней и к ее семье, типы перформативных формул (соболезнование, прощание, благодарность, обещание памяти), средства эмоциональной экспрессии, синтаксические конструкции, паравербальные элементы (эмодзи).

Материалом для исследования послужили тексты, опубликованные в немецкоязычном медиапространстве с июля по август 2025 года после сообщения о гибели Лауры Дальмайер: официальные заявления политиков и представителей спортивных организаций, посты в социальных сетях от коллег и друзей, некрологи, комментарии пользователей Facebook под постом семьи умершей. Исследуемый корпус насчитывает 143 текста, классифицированных по трем группам в зависимости от социального статуса автора и близости к погибшей: институциональные (14), приватно-публичные (28) тексты и цифровые комментарии (101). Корпус не претендует на исчерпывающую полноту, однако он репрезентативен для выявления основных стратегий соболезнования в немецком языке, поскольку охватывает ключевые современные жанры и значимые группы авторов в типичной для немецкоязычного пространства ситуации общественного траура по публичной персоне.

Теоретической базой исследования послужили труды по теории речевых актов (Серль, 1986), положения которой позволили рассматривать соболезнование как *экспрессив* с иллокуцией выражения сочувствия в ситуации траура; труды по прагматике говорящего и смысловой структуре высказывания (Трофимова, 2015; Харитонова, 2020), обосновывающие ведущую роль интенционального компонента в соболезновании; исследования по политической коммуникации (Быкова, Гавра, 2025), раскрывающие институциональные функции соболезнования; а кроме того, отдельные работы по акту соболезнования, описывающие его культурные аспекты (Логинова, 2024), конвенциональность (Руди, 2011) и клишированность (Тарасенко, 1999; Ресенчук, Рябова, 2018), а также трансформацию в цифровой среде (Samavarchi, Allami, 2012; Кожеко, 2020; Alemi, Pazoki Moakhar, Rezanejad, 2021; Gomez, 2023).

Выбор методов обусловлен целью и задачами исследования. Для отбора и стратификации материала использовались метод сплошной выборки, корпусный анализ, а также биографический и контекстуальный анализ,

позволившие разграничить авторов по статусу, характеру связи с умершей и каналу коммуникации. Для описания интенциональной структуры групп применялся коммуникативно-прагматический анализ в сочетании с контекстуально-интерпретативным. Сопоставительный анализ языковых средств опирался на лексико-семантический и синтаксический анализ, анализ паравербальных элементов, а также сравнительно-сопоставительный метод. На заключительном этапе метод лингвистической интерпретации и типологический метод позволили обобщить данные и построить типологию речевых стратегий соболезнования.

Практическая значимость исследования состоит в использовании его материалов и выводов при изучении курсов по прагмалингвистике, лингвистике текста, теории речевых жанров, дискурсивному анализу, межкультурной коммуникации, стилистике немецкого языка. Полученные данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебников и учебных пособий по немецкому языку, ориентированных на формирование прагматической компетенции. Кроме того, результаты исследования востребованы в практике перевода, межкультурной коммуникации, журналистики и PR, поскольку выбор языковых средств соболезнования имеет принципиальное значение для успешной коммуникации в ситуациях траура.

Обсуждение и результаты

Речевой акт соболезнования традиционно рассматривается как *экспрессив* в классификации Дж. Серля (1986), иллокутивная цель которого – выражение психологического состояния говорящего относительно утраты. В лингвистике сложились два подхода к его трактовке: как *собственно экспрессива* (Ресенчук, Рябова, 2018) и как ритуализованного акта, подчиненного нормам речевого этикета (Руди, 2011). Однако в отдельности эти два подхода не объясняют, как эмоциональная природа данного акта связана с его формальной стороной. Это противоречие снимается в рамках интегративного подхода, где этикетные речевые акты рассматриваются как подкласс экспрессивов – *социативы*, выражающие признание адресата членом социальной группы (Трофимова, 2015), а соболезнование – как их подвид, *симпатив* (Харитонова, 2020), цель которого состоит в выражении одобрения и поддержки адресату. Такой подход позволяет анализировать соболезнование одновременно как эмоциональное и социально регламентированное действие, не противопоставляя эти характеристики.

Речевой акт соболезнования подвержен модификациям под влиянием различных коммуникативных условий, например типа дискурса: публицистический (Никонова, 2021), политический (Быкова, Гавра, 2025), цифровой (Alemi, Pazoki Moakhar, Rezanejad, 2021); характера пропозиции соболезнования (Логинова, Бухаров, 2025), национально-культурного контекста (Алиева, 2019). Привлечение столь разных по материалу исследований оправдано тем, что каждое из них фиксирует свой набор факторов, влияющих на выбор языковых средств. Особое значение для нашей работы имеют исследования цифровой коммуникации: А. В. Кожеко показывает, что в интернет-текстах происходит слияние траурных жанров, а официальное соболезнование «характеризуется стандартизованностью, сдержанностью и клишированностью» и потому «не отличается от традиционных этикетных форм проявления сочувствия» (2020, с. 169). Это разграничение официальных и неофициальных интернет-текстов значимо для сопоставления первой и третьей групп авторов. Т. Гомез (Gómez, 2023), анализируя комментарии в Facebook, предлагает рассматривать соболезнование через призму персонального дейксиса, разграничивая ориентацию сообщения на скорбящего, на умершего, на обоих или на самого говорящего.

Объяснительный механизм этих модификаций раскрывается в исследованиях, посвященных смысловой структуре высказываний. О. Е. Харитонова показывает, что в высказываниях соболезнования ведущая роль принадлежит интенциональному компоненту, тогда как пропозициональный «подразумевается, вытекает из контекста и может быть расположен в периферийной части единого смыслового комплекса» (2020, с. 106). Существенно наблюдение о том, что «общая тональность соболезнования в большой степени зависит от эмоционального состояния адресанта, которое, в свою очередь, во многом будет определяться степенью близости коммуникантов» (Харитонова, 2020, с. 104). Это положение обосновывает стратификацию нашего материала по степени близости автора к умершей.

При всем многообразии подходов к анализу речевого акта соболезнования многие лингвисты приходят к выводу о его полиинтенциональном характере (Руди, 2011; Samavarchi, Allami, 2012; Сорокина, 2013; Al-Shboul, Maros, 2013; Трофимова, 2015; Utama, Ariatmi, Hum, 2020), указывая на сочетание ведущей интенции выражения сочувствия с сопутствующими задачами говорящего. О. Е. Харитонова подчеркивает, что «социалитивные речевые акты реализуют не одну, а несколько интенций», образуя «сложный интенциональный комплекс» (2020, с. 105). Этот тезис принимается за основу, поскольку объясняет, почему соболезнование институционального автора и соболезнование пользователя социальных сетей различаются не только по форме, но и по набору реализуемых интенций.

Существенным для настоящего исследования является наблюдение о различных типах адресата социальной поддержки (единичный, коллективный, массовый и опосредованный) (Янкина, 2013). Исследователь также отмечает, что коллективный адресат накладывает «определенные ограничения на содержание и форму обращенных к такому адресату высказываний», делая их «более формальными, менее целенаправленными» (Янкина, 2013, с. 53). Эти положения позволяют предположить, что институциональные соболезнования, адресованные коллективному и массовому адресату, будут тяготеть к клишированным формулам, тогда как приватные и цифровые – к более персонализированным стратегиям, ориентированным на конкретного адресата.

Таким образом, сложившиеся подходы позволяют нам рассматривать соболезнование как полиинтенциональный, культурно обусловленный и жанрово вариативный речевой акт. В связи с этим выдвигается гипотеза,

согласно которой различия в языковом оформлении соболезнования в рамках одного информационного повода продиктованы социальной позицией говорящего: его статусом, каналом коммуникации и близостью к трагедии. Предполагается, что именно эти параметры определяют, какая интенция становится ведущей и какие языковые средства оказываются доминирующими.

Прежде чем приступить к описанию полученных результатов, стоит уделить внимание трагедии, послужившей поводом реализации соболезнования, представленного в исследуемом материале. Лаура Дальмайер (1993-2025) была одной из самых титулованных спортсменок в истории немецкого биатлона: двукратная олимпийская чемпионка, семикратная чемпионка мира, многократная победительница Кубка мира. Завершив спортивную карьеру в 2019 году, она осталась публичной фигурой – работала экспертом на телевидении, занималась высотным альпинизмом, участвовала в социальных и благотворительных проектах. В июле 2025 года во время подъема на пик Лайла (Пакистан) Лаура Дальмайер попала под камнепад и трагически погибла. В связи со сложными погодными условиями ее тело так и не было найдено. Это событие вызвало широкий резонанс: соболезнования выразили первые лица и региональные политики немецкоговорящих стран, спортивные федерации, ее коллеги по спорту, представители культуры, а также тысячи частных лиц в социальных сетях. В следующих разделах мы последовательно охарактеризуем каждую группу авторов, выделим доминирующие речевые стратегии и тактики, а также ключевые языковые средства реализации авторской интенции.

Институциональный автор. Представитель данной группы определяется как коллективный или персонифицированный субъект высказывания, делегированный государственными структурами, спортивными организациями или профессиональными клубами. В эмпирической базе исследования к данной группе авторов относятся федеральный президент ФРГ Ф.-В. Штайнмайер, канцлер ФРГ Ф. Мерц, премьер-министр Баварии М. Зедер, бургомистр общины Гармиш-Партенкирхен Э. Кох, а также немецкий союз биатлонистов (DSV-Biathlon), олимпийская спортивная федерация Германии (DOSB) и ряд футбольных клубов (DFB, FC Bayern, Schalke 04).

Несмотря на формальные различия, авторов первой группы объединяет одна интенция: репрезентация организации, солидаризация с коллективом и подтверждение права говорить от его имени. Реализации подобной стратегии соответствуют следующие речевые тактики: 1) демонстрация осведомленности института и адекватная реакция на трагедию; 2) репрезентация погибшей и ее достижений; 3) установление символической связи между погибшей и общностью, которую представляет автор. Институциональные авторы совершают акт соболезнования по отношению к семье погибшей. Данный акт имеет социально-ритуальный характер и должен быть засвидетельствован публикой, являющейся второстепенным адресатом. Перлокутивный эффект соболезнования заключается в получении одобрения публики и передаче чувства солидарности с целью присоединиться к национальному трауру.

Анализ корпуса позволяет выделить несколько доминирующих иллокутивных типов, которые выполняют специфические прагматические функции в рамках общей интенции выражения траура и солидарности. Наиболее часто (84%) встречается речевой акт констатации эмоционального состояния, служащий установлению эмпатического контакта автора с первостепенным адресатом – семьей погибшей. В корпусе прослеживается градация интенсивности испытываемых автором эмоций, например в высказывании президента DOSB: *Wir sind zutiefst erschüttert über den plötzlichen und viel zu frühen Tod dieses wunderbaren Menschen* (Zutiefst erschüttert…, 2025). / *Мы глубоко потрясены внезапной и слишком ранней кончиной этого замечательного человека* (здесь и далее перевод наш. – *А. Л.*). Высокая степень вовлеченности маркируется лексемами *fassungslos* (растерянный), *unfassbar* (непостижимый), *erschüttert* (потрясенный), *betroffen* (затронутый). Крайне редко (8%) институциональные авторы используют метафоры в качестве средства репрезентации утраты: *Die Nachricht vom Tod von Laura Dahlmeier macht tief betroffen. Ein schrecklicher Unfall hat die junge Frau mitten aus dem Leben gerissen* (Söder, 2025). / *Новость о смерти Лауры Дальмайер глубоко потрясла меня. Трагическая случайность оборвала жизнь молодой женщины в самом расцвете*. Данный эвфемизм представляет собой клише в ситуации траура и не выходит за рамки официального стиля (DWDS).

Ядерным перформативным действием в рамках исследуемого дискурса является выражение соболезнования, вариативность которого проявляется на уровне перформативных формул. Например, федеральный президент ФРГ использует официальную дистанцированную формулу: *Ich spreche Ihnen, allen Angehörigen, Freundinnen und Freunden mein tief empfundenes Beileid aus* (Steinmeier, 2025). / *Я выражаю вам, всем родным, близким и друзьям, свои глубокие соболезнования*. Данное средство маркирует ритуализированность акта соболезнования и соответствует правилам дипломатического протокола. Конвенциональные формулы траура более характерны для спортивных федераций, также в сочетании с выражением поддержки: *Ruhe in Frieden, Laura! Unser aufrichtiges Beileid an Lauras Familie und Freunde* (Heerman, 2025). / *Покойся с миром, Лаура! Наши искренние соболезнования семье и друзьям Лауры*. Коллективное соболезнование от лица института реализуется через инклюзивное *wir* (мы) в сочетании с глаголами прощания, выражения скорби или через констатацию поддержки: *Schweren Herzens nehmen wir Abschied von Laura* (Sie war…, 2025). / *С тяжелым сердцем мы прощаемся с Лаурой*; *Wir trauern um unsere ehemalige Athletin* (DSV-Biathlon, 2025). / *Мы скорбим по нашей бывшей спортсменке*; *Unsere Gedanken und unser tiefes Mitgefühl sind bei ihren Angehörigen, Freunden und der gesamten Biathlon-Familie* (FC Schalke 04, 2025). / *Наши мысли и наше искреннее сочувствие – с ее близкими, друзьями и всей биатлонной семьей*.

Институциональные авторы также берут на себя обязательства сохранения памяти, что представляет собой комиссивный акт (Серль, 1986): *Wir werden Laura Dahlmeier ein ehrendes Andenken bewahren* (Söder, 2025). / *Мы сохраним память о Лауре Дальмайер с уважением и почтением*; *Laura wird für immer ein fester Teil von Team*

Deutschland bleiben (Zutiefst erschüttert..., 2025). / *Лаура навсегда останется неотъемлемой частью сборной Германии*. Особую категорию составляют также директивные акты, направленные на побуждение к действию, например, имплицитные призывы к коллективной памяти и выражению солидарности в речи Э. Кох: *Wir können den Schmerz nicht nehmen, aber wir wollen ihn mittragen … so gut wir es eben vermögen* (Koch, 2025). / *Мы не можем забрать эту боль* [у скорбящих], *но хотим нести ее вместе с ними… насколько это в наших силах*.

Ключевым средством институциональной риторики выступает тактика репрезентации умершей с проекцией актуальных для автора ценностей. В результате анализа удалось проследить корреляцию между уровнем организации и дескриптивными номинациями. Федеральный президент наделяет погибшую статусом представителя ФРГ: *Laura Dahlmeier war eine Botschafterin unseres Landes in der Welt, ein Vorbild für ein friedliches, fröhliches und faires Miteinander über Grenzen hinweg* (Steinmeier, 2025). / *Лаура Дальмайер была послом нашей страны на мировой арене, образцом мирного, радостного и справедливого сосуществования, не знающего границ*. Подобная интерпретация ее личности помогает интегрировать трагедию в дискурс о Германии как мирной и открытой нации. Канцлер ФРГ акцентирует внимание на вкладе в историю страны: *Als Weltmeisterin und Olympiasiegerin vollbrachte sie Leistungen, die in die Biathlon-Geschichte unseres Landes eingegangen sind* (Heerman, 2025). / *Как чемпионка мира и Олимпийских игр, она продемонстрировала результаты, вошедшие в историю биатлона нашей страны*. Баварскую идентичность погибшей подчеркивает премьер-министр одноименной земли, используя метафору *Königin des Wintersports* (королева зимнего спорта) и номинацию *Botschafterin Bayerns* (посланница Баварии) и приписывая ей типичные национальные черты: *Sie verkörperte ihre Heimat Bayern im besten Sinne: Sie war ehrgeizig und erfolgreich und blieb dabei immer heimatverbunden und bescheiden* (Söder, 2025). / *Она олицетворяла свою родную Баварию в самом лучшем смысле этого слова: она была целеустремленной и успешной, но при этом сохраняла глубокую привязанность к родине и скромность*. Бургомистр Э. Кох последовательно указывает на принадлежность к общине, где родилась и жила спортсменка: *Laura Dahlmeier war für uns Garmisch-Partenkirchener … vor allen Dingen auch Mitglied der Ortsgesellschaft, unsere Ehrenbürgerin* (Koch, 2025). / *Для жителей Гармиш-Партенкирхена Лаура Дальмайер была… прежде всего членом местного сообщества, нашей почетной гражданкой*. Особую связь погибшей с малой родиной автор подчеркивает через упоминание форм гражданской вовлеченности, показывая, что это потеря целой общины: *Sie hat aktiven Bergwachtdienst geleistet, das ist ein Dienst am Nächsten* (Koch, 2025). / *Она активно работала в горной спасательной службе – службе на благо ближнего*. Спортивные и профессиональные ассоциации в попытке представить личность погибшей сочетают номинации как профессиональные: *Athletin* (спортсменка), *Olympiasiegerin* (олимпийская чемпионка), *Weltmeisterin* (чемпионка мира), *Biathlon-Legende* (легенда биатлона), – так и личностные: *außergewöhnlicher Mensch* (необыкновенный человек), *Mensch mit Herz, Haltung und Vision* (человек с сердцем, выдержкой и видением), *ansteckendes Lachen* (заразительный смех), *inspirierende und einzigartige Persönlichkeit* (вдохновляющая и уникальная личность).

Контрастной чертой институционального соболезнования выступает использование форм прошедшего времени – *Präteritum* и *Prefekt*, что фиксирует завершенность жизненного пути погибшей и делает ее объектом общей истории. С синтаксической точки зрения институциональные соболезнования характеризуются развернутыми сложными конструкциями, что служит показателем рациональности, обдуманности и когнитивной дистанции авторов: *Laura Dahlmeier war eine außergewöhnliche Sportlerin, deren internationale Erfolge im Biathlon nicht nur Wintersportfans fasziniert und begeistert haben* (Steinmeier, 2025). / *Лаура Дальмайер была выдающейся спортсменкой, чьи международные достижения в биатлоне восхищали и вдохновляли не только любителей зимних видов спорта*.

Упоминание семьи умершей является обязательным компонентом институционального соболезнования. Авторы федерального уровня и представители спортивных организаций ограничиваются клишированными формулами: *Angehörige* (родственники), *Familie* (семья), *Freundinnen und Freunde* (друзья), *Weggefährten* (спутники); *alle, die ihr nahestanden* (все, кто был ей близок). О пограничном статусе муниципальной власти свидетельствует высказывание бургомистра, где институциональный протокол нарушается: *Die Eltern, die Familie, die Großeltern, der Bruder. Das waren meine ersten Gedanken. Wie geht es denen*? (Koch, 2025). / *Родители, семья, бабушка и дедушка, брат. Это были мои первые мысли. Как у них дела?* Данный прием сдвигает дискурс в сторону приватной эмпатии, а риторический вопрос направлен на активизацию сопереживания у аудитории. Следовательно, институциональный автор может переключать регистры в зависимости от канала коммуникации, сохраняя при этом базовую интенцию репрезентации института.

Описанная выше интенциональная модель соболезнования институционного автора действует в границах протокольных и ритуализированных ограничений, описывает лишь один из регистров траурного дискурса в связи с гибелью Лауры Дальмайер.

Приватно-публичный автор. Вторую группу соболезнований отличают субъективная рефлексия автора о трагедии и эксплицитно или имплицитно выраженная личная связь с погибшей. В соответствии с этим обстоятельством к данной категории авторов относятся: семья Дальмайер, наставник Бернхард Крель, а также коллеги по спорту и телевидению. Ключевым критерием отнесения к данной группе служит наличие вербализованного опыта общения с покойной, который верифицирует подлинность скорби.

Интенция публично-приватных авторов состоит в проявлении солидарности через демонстрацию личной связи. С этой целью адресанты второй группы используют следующие речевые тактики: 1) подтверждение подлинности скорби через вербализацию личного опыта взаимодействия с погибшей; 2) репрезентация погибшей как человека (а не спортсменки) через акцентирование личностных черт характера; 3) эксплицитное и имплицитное установление границы приватности.

Главное отличие второй группы авторов заключается в адресате сообщения. Институциональные авторы обращаются к близким погибшей и косвенно к публике, поэтому говорят о погибшей в третьем лице, в то время

как публично-приватные адресуют высказывание непосредственно ей. В связи с этим происходит реорганизация коммуникативной модели самого акта, в котором погибшая больше не является объектом коммуникации, а становится фактическим адресатом. Семья и публика становятся свидетелями «диалога» или второстепенными адресатами при наличии эксплицитного соболезнования.

Перформативное соболезнование встречается лишь у 25% авторов данной группы. Обращаясь к родственникам погибшей, авторы чаще используют сокращенные именные формулы, избегая лишнего формализма и официальности: *Mein tiefes Mitgefühl gehört der Familie Dahlmeier* (Ullrich, 2025). / *Глубоко сочувствую семье Дальмайер*; *Unsere Gedanken sind bei ihrer Familie* (Sport Conrad, 2025). / *Наши мысли – с ее семьей*. Также носителем иллокуции соболезнования может выступать акт пожелания: *Viel Kraft an die Familie* (Wellinger, 2025). / *Много сил семье*.

Несмотря на факт, что в большинстве текстов второй группы перформативные формулы соболезнования, обращенные к семье, практически не фиксируются, это не означает отсутствия иллокуции соболезнования. Она реализуется опосредованно и достигает перлокутивного эффекта за счет вовлечения аудитории в проживание эмоций автора посредством его речевого действия. Закономерно, что реализуют свои намерения приватные авторы в абсолютном большинстве случаев за счет *экспрессивов*. Однако в отличие от институциональных авторов вторая группа имеет право на более широкий спектр языковых средств для номинаций эмоционального состояния: *beeindruckt* (впечатлен), *berührt* (тронут), *traurig* (опечаленный), *schockiert* (шокированный), – а также его усиления: *tief* (глубоко), *so* (так), *einfach* (просто), *groß* (сильно), *viel* (премного), *völlig* (полностью). Констатация эмоций может сопровождаться описанием физиологических реакций. Например, Д. Айтбергер отреагировала следующим образом: *Mein Atmen stockt. Ich bin wie gelähmt* (Trauer um…, 2025). / *Дыхание остановилось. Меня словно парализовало*. М. Нойнер написала в своем профиле: *Ich habe das Gefühl, dass das gar nicht stimmen kann. Ich habe mir die ganze Zeit gedacht: Nein, das ist ein Schmarrn, sie kommt sicher wieder* (Neuner, 2025). / *У меня такое чувство, будто это неправда. Я все время думала: «Нет, это какая-то ерунда, она обязательно вернется»*. Употребление диалектизма *Schmarrn* (ерунда, вздор) говорит не только о баварском происхождении автора, но и о состоянии аффекта, под воздействием которого был реализован акт прощания и соболезнования. Особым средством выражения потрясения можно считать высказывания о невозможности выразить свои чувства словами. Этот речевой прием снимает эмоциональное напряжение автора, закрывает необходимость вербального выражения траура как социально значимого действия и подчеркивает высшую степень интенсивности чувства: *Es fehlen die Worte für diesen tragischen Verlust* (Wellinger, 2025). / *Нет слов, чтобы описать эту трагическую утрату*; *Weiß nicht, was ich dazu sagen soll* (Fassungslos und tief traurig…, 2025). / *Не знаю, что сказать по этому поводу*. Использование данных речевых тактик служит маркером искренности переживания, недоступным институциональному автору, позиция которого предполагает строго конвенциональную рациональную реакцию.

Обращение к погибшей может сопровождаться прилагательным *liebe* (дорогая): *Liebe Laura, völlig fassungslos und ungläubig bin ich über deinen plötzlichen und viel zu frühen Tod* (Rebensburg, 2025). / *Дорогая Лаура, я совершенно потрясена и не могу поверить в твою внезапную и слишком раннюю смерть*. Это сигнализирует об интимности и праве автора на личный траур. Однако даже в случаях, где реальная близость к погибшей не вербализирована, данная формула все еще выполняет перформативную функцию присвоения права на личное обращение, например, репортер В. Вайцель написал следующее: *Liebe Laura, Ruhe in Frieden. Dein treuer Follower* (Weitzel, 2025). / *Дорогая Лаура, покойся с миром. Твой верный поклонник*.

С грамматической точки зрения послание приватно-публичных авторов строится на настоящем (*Laura, du bleibst. In Herzen, Erinnerungen, Gedanken* / *Лаура, ты остаешься. В сердцах, в воспоминаниях, в мыслях)* и будущем времени (*Laura, du wirst fehlen!* / *Лаура, тебя будет не хватать!*). Данное обстоятельство в сочетании с обращением во втором лице аннулирует временную дистанцию и создает эффект парадоксального присутствия умершей в коммуникации.

Однако данный эффект не является универсальной тактикой для всех публично-приватных авторов. Тексты от родственников погибшей демонстрируют иную прагматическую установку, например через акт благодарности, который переопределяет саму суть траура: *Wir sind von Herzen dankbar, liebe Laura, dass wir an deinem Leben teilhaben durften* (Dahlmeier, 2025). / *Мы от всего сердца благодарны, дорогая Лаура, за возможность разделить с тобой твою жизнь*. Сочетание глагола *teilhaben* (участвовать) с модальным глаголом *dürfen* (иметь разрешение) репрезентирует погибшую как дар, а не утрату. Данная речевая тактика устанавливает когнитивный фрейм для вторичных реципиентов, состоящий в исключительно позитивном осмыслении жизни, частью которой была погибшая. Перформативная сила данного акта заключается в его директивном потенциале, задающем тональность всему последующему дискурсу памяти. В исследуемом корпусе также фиксируются случаи выражения благодарности от авторов, не состоящих в родстве с умершей. Однако их прагматическая функция принципиально иная: друзья и коллеги используют благодарность для верификации близости: *Danke für die unglaublichen Momente, die wir gemeinsam erleben durften. #RIP* (Wellinger, 2025). / *Спасибо за невероятные моменты, которые мы пережили вместе. #RIP*. Также встречаются примеры использования речевых актов благодарности с целью демонстрации профессионального признания: *Danke für deinen Weg, dein Vorbild und deine Spuren, die du hinterlassen hast – im Schnee und in unseren Herzen* (Möller, 2025). / *Спасибо за твой путь, за твой пример и за следы, которые ты оставила – в снегу и в наших сердцах*.

В отличие от институциональных авторов, которые номинируют погибшую через социально значимые роли, публично-приватные авторы выделяют индивидуальные, неповторимые черты: *herzlich* (добрая), *geradlinig* (прямолинейная), *ausdauernd* (выносливая), *bescheiden* (скромная), *voller Energie* (полная энергии), *Familienmensch*

(семейный человек). В текстах второй группы авторов прослеживается оппозиция «спортсменка – человек», например, М. Нойройтер эксплицитно противопоставляет: *Du warst eine außergewöhnliche Sportlerin… Aber vor allem als Mensch Laura wirst du uns allen sehr fehlen!* (Neureuther, 2025). / *Ты была выдающейся спортсменкой… Но прежде всего тебя как человека, Лаура, нам будет очень не хватать!* Эта дихотомия, отсутствующая у институциональных авторов, выполняет функцию индивидуализации: жизнь погибшей не сводится к спортивному достижению, а предстает в целостности личностных качеств.

Наиболее репрезентативным отличием второй группы авторов является наличие конкретных эпизодов, которые служат доказательством личной связи с покойной. М. Нойройтер выстраивает хронологию знакомства: *Vom Vogelbaby im Kindergarten über unsere Skiclub-Garmisch-Zeit und dann all die gemeinsamen Jahre in unserem Sport Biathlon* (Neureuther, 2025). / *С детского сада до наших лыжных сезонов в Гармиш-Партенкирхене и потом всех совместных лет в биатлоне*. «Нанизывание» темпоральных маркеров создает эффект глубинной близости. В. Новаковска реконструирует диалог с косвенной речью: *Im Februar haben wir zusammen gelacht und gesagt, dass wir, wenn ich ein bisschen trainiere und meine Kinder älter sind, gemeinsam ins Hochgebirge gehen. Auf Wiedersehen, Kriegerin* (Hönig, 2025). / *В феврале мы вместе смеялись и мечтали, что, когда я немного потренируюсь и мои дети подрастут, мы отправимся в высокогорье. До встречи, воительница!* В данном случае на близость указывает формула прощания, совмещающая смирение и надежду на встречу, а также метафора, подчеркивающая стойкость погибшей. Д. Айтбергер вспоминает совместное времяпрепровождение, детализация которого придает сенсорную достоверность: *Ich erinnere mich noch, als ob es gestern wäre – wie wir gemeinsam in der Mensa des olympischen Dorfes saßen* (Trauer um Ex-Biathletin…, 2025). / *Я до сих пор отчетливо помню, словно это было вчера, как мы вместе сидели в столовой Олимпийской деревни*. Прагматическая функция вербализации опыта общения с погибшей состоит в верификации подлинности скорби, а в ситуации публичного траура это также способствует поддержанию границ приватности.

В отличие от институциональных текстов, характеризующихся номинализацией и сложными периодами, публично-приватные высказывания демонстрируют синтаксическую простоту, парцелляцию и эмоциональную пунктуацию: *Laura war nicht nur eine beeindruckende Sportlerin, sondern auch ein ganz besonderer Mensch – herzlich, inspirierend und voller Energie. Laura, du wirst fehlen* (Hönig, 2025)! / *Лаура была не просто выдающейся спортсменкой, но и по-настоящему особенным человеком – душевным, вдохновляющим и полным энергии. Лаура, нам будет тебя не хватать!*

Еще одним стилистически релевантным средством соболезнования является использование эмодзи, что неприемлемо в группе институциональных авторов. Употребление эмотиконов является маркером цифрового жанра и одновременно способом сохранения интимности в публичном пространстве. Эмодзи выполняют компенсаторно-экспрессивную функцию: заменяя в письменной речи мимику и жесты, они помогают в выражении солидарности и демонстрации чувств по отношению к трагедии, когда вербальные средства кажутся недостаточными или избыточными. Эмодзи встречаются в 39,3% текстов второй группы, их концентрация особенно высока в постах в социальных сетях. На основе эмпирического материала можно выделить три типа эмодзи, каждый из которых выполняет специфическую семантико-прагматическую функцию. Наиболее семантически разнообразная категория – изображение сердца. Разные цвета и формы передают дифференцированные оттенки эмоционального состояния: черное сердце – траур и глубокая скорбь; белое – покой, мир и светлая память; красное – любовь и привязанность; разбитое сердце – утрата и боль потери. Вторая категория представлена религиозными символами: изображение голубя и свечи соответствуют христианской погребальной символике, выражая надежду на загробную жизнь и светлую память. Их использование выполняет функцию ритуализации, то есть замены физического действия. Также встречается эмодзи сложенных рук, который в западноевропейском контексте воспринимается как жест молитвы или просьбы, а в траурном дискурсе выполняет функцию перформатива надежды. Третья категория – эмодзи выражения печали (плачущее или печальное лицо) – минимальна в корпусе. Это может объясняться их избыточной конкретикой, которая способна восприниматься в публичном пространстве как чрезмерная демонстративность. В ряде случаев авторы используют комбинации эмодзи, которые в совокупности создают более сложное высказывание, чем каждый из них по отдельности. В нескольких случаях (12%) эмодзи функционируют как самостоятельное высказывание без вербального сопровождения или с минимальным вербальным обрамлением. Эмотикон соответствующего содержания передает ту же иллокутивную силу, что и вербальный перформатив, но с меньшей степенью эксплицитности. Данное явление показательно для международных авторов (Магдалена Форсберг, Лу Жанмонно, Тесса Уорли, Эмильен Клод, Эмиль Хегле Свендсен), для которых использование эмодзи – еще один способ преодолеть языковой барьер: универсальный символ понятен без перевода.

Анализ корпуса второй группы авторов выявил несколько закономерностей: высокий статус автора коррелирует с меньшим использованием эмодзи; молодые авторы используют эмотиконы активнее; к использованию эмозди больше склонны авторы-женщины.

Цифровой автор. Третью группу авторов образуют комментаторы под постом семьи Дальмайер о ее гибели (Dahlmeier, 2025). В отличие от институциональных и публично-приватных авторов, цифровые комментаторы не имеют личной связи с умершей и не делегированы какой-либо инстанцией, следовательно, объективного права на скорбь они не имеют. В связи с этим их коммуникативное поведение подчинено главной стратегии – легитимизировать собственное присутствие в траурном дискурсе, доказать, что их скорбь подлинна и имеет право на существование. Подтверждение аффилиации с сообществом скорбящих реализуется за счет следующих речевых тактик: 1) констатация присоединения к коллективному трауру; 2) верификация причины и подлинности скорби; 3) установление воображаемой близости с умершей.

Аналогично с высказываниями второй группы авторов, в комментариях можно выделить несколько адресатов, которые сосуществуют в пределах одного высказывания. Формально семья Дальмайер является первичным получателем сообщения, поскольку комментарий размещается под их постом, однако на вербальном уровне она не всегда представлена эксплицитно. В то же время данные соболезнования адресованы и другим участникам траурного дискурса, что характерно для цифровой среды, где комментарий существует не изолированно, а как часть общего потока. Комментаторы также могут обращаться к самой погибшей, что позволяет автору занять позицию близкого человека, не обладая соответствующим статусом. Наличие нескольких адресатов в рамках одного высказывания в столь гибком жанре комментария также служит инструментом управления перлокутивным эффектом и конструирования идентичности автора.

Стремление автора присоединиться к коллективному трауру отражает прежде всего наличие речевого акта соболезнования. Комментаторы используют клише и прочие конвенциональные формулы, не требующие когнитивных затрат и снижающие риск неуместного высказывания. Перформативы соболезнования представлены в большей степени номинальными структурами с существительными *Beileid* (соболезнование), *Mitgefühl* (сочувствие) и *Anteilnahme* (поддержка): *Mein tiefstes Beileid allen Trauernden. / Мои глубочайшие соболезнования всем скорбящим*; *Mein Mitgefühl ist bei Ihrer Familie. / Мое сочувствие ее семье*; *Aufrichtige Anteilnahme und viel Kraft allen, die sie geliebt haben und ihr nahe standen. / Искренняя поддержка и силы всем, кто любил ее и был рядом*. Глагольные перформативные формулы ввиду их более официального характера используются реже (14%), в комбинации с выражением эмоционального состояния: *Tief betroffen von diesem herben schmerzlichen Verlust möchte ich unser aufrichtiges tiefes Beileid zum Ausdruck bringen. / Глубоко потрясенный этой тяжелой утратой, я хотел бы выразить наше искреннее и глубокое соболезнование*. Комментаторы также сочетают эксплицированное соболезнование с актами пожелания: *Der Familie unser tiefstes Beileid für diesen Verlust und Kraft für die kommende* Zeit. / *Наши глубочайшие соболезнования семье в связи с утратой и желаем сил в предстоящие дни*; – или утешения через выражение надежды: *Mein herzlichstes Beileid an die Angehörigen, in Gedanken sind sehr viele Menschen bei Euch, ich hoffe das gibt Euch etwas Kraft. / От всего сердца соболезную близким, мысленно с вами сейчас множество людей, и я надеюсь, что это придаст вам сил*.

В данных обстоятельствах синонимичными средствами соболезнования, которые помогают комментаторам интегрироваться в сообщество скорбящих, считаются формулировки выражения скорби и прощания с погибшей, частота использования которых составляет 97%. К подобным средствам относятся конвенциональные формулы прощания во втором лице, включая сокращения и хештеги: *Ruhe in Frieden* (*Покойся с миром*); *RIP*; *#RIP*. Краткость и перформативность данных формул продиктована неблизкими отношениями коммуникантов и исключает возможность нарушения границ приватности. Около трети комментаторов воспользовались косвенным способом проститься с любимой спортсменкой – через выражение пожелания в *Konjunktiv I*: *Möge ihre Seele in Frieden ruhen und über die Berge schweben, die sie so sehr liebte. / Пусть ее душа покоится с миром и парит над горами, которые она так любила*. В то же время корпус комментариев изобилует неформальными способами прощания, например при помощи разговорной формулы *Mach's gut* (*Бывай! Всего!*), которая считается уместной при длительном расставании или как выражение поддержки в преддверии трудностей (DWDS). Она несколько раз встречается в диалектных вариантах: на баварском (*Mochs Guad. Da Himmel hod an Engel mehr / Всего! На небесах стало одним ангелом больше*) и кельнском (*Mach et jot Laura und Grüße aus Kölle / Бывай, Лаура, и привет из Кельна*). Еще одна выходящая за рамки стандартного языка формула – *Pfiat Di* – происходит от традиции взаимно просить друг для друга помощи и защиты Божьей (нем. *Behüte dich Gott!* – рус. *Да защитит тебя бог!*). Использование диалектных формул в траурном дискурсе может объясняться, с одной стороны, происхождением автора, а с другой, – его намерением персонализировать высказывание в условиях массового комментаторского потока или символически присоединиться к региональному коду погибшей, создавая иллюзию близости с ней и усиливая прагматический эффект солидарности.

Аналогичный перлокутивный эффект соболезнования в данных обстоятельствах реализует выражение внутреннего состояния автора. Среди трех групп цифровой автор проявляет максимальную степень эмоциональности, соответствующую более широкому спектру выразительных средств: *Trauer empfinden* (чувствовать скорбь), *geschockt* (в шоке), *j-n zutiefst bewegen* (глубоко тронуть), *j-m weh tun* (больно), *leid tun* (жаль), *sich getroffen fühlen* (чувствовать себя сопричастным), *es genauso fühlen* (чувствовать себя так же), – и интенсификаторов: *sehr* (очень), *unendlich, endlos* (бесконечно), *unbeschreiblich* (неописуемо), *unbegreiflich* (непостижимо), *unsagbar* (несказанно), *absolut* (абсолютно), *zu* (слишком), *krass* (чрезвычайно). Регулярный характер приобретает гиперболизация испытываемых эмоций как результат компенсации отсутствия личной связи с погибшей. На основе анализа комментариев было выделено несколько основных типов речевых актов, реализующих эмоциональную гиперболизацию. В первую очередь комментаторы сообщают о потрясении и невозможности принять факт смерти: *War selten so geschockt. / Редко был в таком шоке*; *Ich kann es einfach nicht begreifen. / Просто не могу это осознать*; *Keiner kann's verstehn, keiner will's glauben. / Никто не может это понять, никто не хочет в это верить*. Использование капслока и множественных восклицательных знаков усиливает перлокутивный эффект: *FASSUNGSLOS, SPRACHLOS, TRAURIG, UNBEGREIFLICH!!! / РАСТЕРЯН, НЕТ СЛОВ, ГРУСТНО, НЕПОСТИЖИМО!!!* Как и приватно-публичные авторы, комментаторы используют риторическую фигуру, указывающую на невыразимость эмоционального состояния: *Ich kann nicht erklären, woran es liegt – die Nachricht von ihrem Tod hat mich berührt. / Не могу объяснить, в чем дело – новость о ее смерти меня тронула*; *Es gibt nicht die richtigen Worte. / Нет подходящих слов*. Данный парадокс создает эффект абсолютной искренности: автор признает, что не может выразить свою эмоцию, значит, она действительно сильна. Также комментаторы склонны описывать скорбь

на уровне физиологических реакций: *Ich kann es mir nicht erklären, aber die Tränen laufen*. / *Не могу себе этого объяснить, но слезы текут*; *Mein Herz blutet*. / *Сердце кровью обливается*; *Ich muss gestehen, habe heute geweint*. / *Должен признаться, я сегодня плакал*. Телесные реакции – это неконтролируемое проявление эмоций, которое сигнализирует о силе скорби. У институциональных авторов подобные акты отсутствуют в силу рационального характера акта, а во второй группе такие случаи редки, поскольку не нуждаются в компенсации отсутствия реальной связи с погибшей. Акты оценки случившегося также косвенно свидетельствуют о внутреннем состоянии комментатора: *Eine Katastrophe* / *Катастрофа*; *Was für eine Tragödie*. / *Что за трагедия*; *Ein großer Verlust für uns alle*. / *Большая потеря для нас всех*. Номинации трагедии как всеобщей и объективной переводит личное переживание на уровень экзистенциальной значимости, подтверждая право комментатора на собственную скорбь.

Уникальной характеристикой третьей группы авторов является эксплицитная рефлексия над парадоксом скорби по незнакомому человеку. Данный речевой прием выполняет превентивную функцию: комментатор сам признает парадокс своей позиции и тем самым нейтрализует возможный упрек в неискренности. Реализуется данная тактика за счет использования противопоставления с союзом *aber*, придаточных уступки с союзом *obwohl* и нереального сравнения с союзом *als ob*: *Im Grunde genommen ist die Laura eine wildfremde Frau für mich aber die Trauer die ich spüre ist so stark als ob ich eine gute Freundin verloren hätte*. / *По сути, Лаура для меня – совершенно чужая, но горе, которое я испытываю, так сильно, будто я потерял близкую подругу*; *Es berührt mich, obwohl ich Laura nur aus den Medien kenne*. / *Это тронуло меня, хотя я знаком с Лаурой лишь по СМИ*. Некоторые комментаторы пытаются осмыслить собственную скорбь и найти причину, по которой они так сильно переживают потерю незнакомого человека: *Das spricht dafür, was für ein besonderer Mensch sie war*. / *Это говорит о том, каким особенным человеком она была*; *Laura haben wir als ganze Familie geliebt, mit ihr gelitten und gefeiert*. / *Мы всей семьей любили Лауру, переживали вместе с ней радости и горести*. Конструирование субъективного объяснения представляет собой попытку оправдать в глазах семьи и сообщества право на собственное горе, что характерно лишь для соболезнования в цифровой среде.

Несмотря на отсутствие опыта личного общения с Лаурой Дальмайер, комментаторы используют речевые средства, которые маркируют близкие отношения. Это создает эффект воображаемой близости и позволяет автору занять позицию «своего». Реализацией этого стремления служат уже упомянутые неформальные формулы прощания, прямое обращение к покойной, а также положительные номинации различного характера. Номинации, подчеркивающие экстраординарность личности покойной, можно считать семантическими универсалиями, поскольку они применимы к любому публичному лицу и не требуют личного знакомства: *besonders* (особенная), *großartig* (великолепная), *unersetzlich* (незаменимая), *unglaublich* (невероятная). Номинации, акцентирующие черты характера, основаны на публичном образе покойной, в частности, в 29% комментариев встречаются прилагательные *bodenständig* (самобытная, приземленная) и *sympathisch* (приятная), что также не требует опыта личного общения. Личностные оценки также подкрепляются объективными достижениями в спорте, которые дают комментатору повод для восхищения и скорби. Лишь в третьей группе авторов наблюдается аффективный тип номинаций покойной: *Herzensmensch* (сердечный человек), *Licht im Dunkel der Zeit* (свет во тьме времени), *Licht in vielen Lebenswegen* (свет на многих жизненных путях), *wunderbare und reine Seele* (чудесная и чистая душа), *Engel* (ангел), – которые выполняют компенсаторную функцию: комментатор не может назвать ее другом, поэтому использует метафоры, создающие эффект духовной близости, не связанной реальными отношениями.

Еще одна задача метафорических включений в акт соболезнования состоит в переосмыслении утраты: смерть предстает не как трагическая потеря, а как новое путешествие (*letzte Reise* / *последний путь*), обретение свободы (*Du bist jetzt frei* / *Теперь ты свободна*), переход в вечность (*Ihr Licht wird ewig leuchten*. / *Ее свет будет вечно светить; Wenn die Sonne des Lebens untergeht, leuchten die Sterne der Erinnerung*. / *Когда заходит солнце жизни, светят звезды памяти*), обретение покоя (*Ein toller Mensch geht viel zu früh über den Regenbogen*. / *Замечательный человек слишком рано переступил за радугу*). Эта тактика выполняет утешительную функцию, поскольку позволяет самому комментатору и другим участникам дискурса смягчить невыносимость потери. При этом метафорика третьей группы принципиально абстрактна, то есть используются универсальные образы, применимые в любой ситуации скорби.

Что касается невербальных выразительных средств, в частности эмодзи, они используются комментаторами значительно интенсивнее (81%), чем другими авторами, и во множественных комбинациях. На основе анализа можно выделить четыре категории, каждая из которых выполняет специфическую семантико-прагматическую функцию. Первая категория – эмодзи плача – отражает непосредственную эмоциональную реакцию комментатора: грусть, глубокая печаль, растерянность, задумчивость, изнеможение, плач и рыдания. Наиболее интенсивные изображения плача используются в комбинации с вербальными экспрессивами, что создает мультимодальный эффект усиления эмоции. Вторую категорию составляют изображения сердца: при помощи разных цветов комментаторы дифференцируют оттенки скорби, как и во второй группе. Однако в комментариях появился новый тип – руки в форме сердца – который символизирует менее траурные интенции, например поддержку. Эмодзи, связанные с религиозной символикой (свеча, белый голубь, сложенные в молитве руки), выполняют функцию виртуального совершения ритуала. Эмотиконы с природными мотивами используются для создания различных метафористических образов: зеленая ветвь символизирует жизнь, изображение розы или букета цветов выполняет функцию поминального подношения, четырехлистный клевер сопровождает пожелания стойкости семье в непростое время. Эмодзи, связанные со звездами (звезда, светящаяся звезда, комета), знаменуют память как продолжающееся присутствие покойной. Другое небесное явление – радуга, символизирующая переход в другой мир, – дополняет авторские сентенции прощания с покойной. Эмодзи гор появляется как прямой

маркер места упокоения. В рамках цифровой среды и ввиду неблизкого положения к погибшей автора эмотиконы приобретают еще одну функцию в общем высказывании: они делают комментарий визуально заметным и эмоционально заразительным, следовательно, такие комментарии привлекают больше внимания и провоцируют больше реакций (лайков, репостов), что в цифровой среде воспринимается как показатель вовлеченности.

Подводя итог анализу третьей группы, можно утверждать, что ее интенциональный профиль строится на стремлении к символическому присоединению к сообществу скорбящих. Ключевая прагматическая проблема, которую решает цифровой комментатор, состоит в отсутствии объективной личной связи с умершей: права на соболезнование у него нет, поэтому оно должно быть сконструировано в высказывании. Инструментами такого конструирования становятся саморефлексия о парадоксальности скорби по незнакомцу, гиперболизация эмоциональных состояний и апелляция к клишированным формулам, которые обеспечивают ритуальную уместность.

Заключение

Проведенный анализ дискурса соболезнования в связи с гибелью Лауры Дальмайер позволяет заключить, что траурный дискурс в современном немецком языке не является гомогенным образованием. Он структурируется в зависимости от статуса автора, близости с умершей и канала коммуникации. На основе этих параметров были выделены три группы авторов, каждая из которых реализует принципиально иную стратегию соболезнования.

Институциональные авторы преследуют интенцию репрезентации. Их высказывания направлены на демонстрацию того, что институт (государство, земля, спортивная федерация, клуб) осведомлен о трагедии и адекватно реагирует. Смерть спортсменки вписывается в позитивный нарратив о национальных или региональных ценностях, а сам акт соболезнования служит инструментом управления публичным дискурсом. Адресатом выступает не только семья, но и широкая публика, а умершая остается объектом описания в третьем лице. Основные иллокутивные типы – *социативы*, *экспрессивы*, *ассертивы*, *комиссивы* – направлены на сохранение дистанции и ритуализацию высказывания. Первая группа представляет классический пример соболезнования: формальные, дистанцированные высказывания, подчиненные конвенции и институциональному протоколу поведения, то есть каждый элемент заранее определен жанром.

Публично-приватные авторы реализуют интенцию солидаризации через вербальное воспроизведение личного опыта. Их цель не ограничена выражением скорби, они также стремятся подчеркнуть ее подлинность через демонстрацию уникальных воспоминаний о покойной. В отличие от первой группы, они обращаются непосредственно к умершей во втором лице, что создает эффект ее парадоксального присутствия в коммуникации, а семья погибшей и публика становятся свидетелем этого интимного монолога. Основной иллокутивный тип – *экспрессив*, при этом доминирующим речевым актом становится не соболезнование в узком смысле, а прощание и благодарность. Вторая группа занимает промежуточное положение: при сохранении публичного канала коммуникации авторы нарушают строгие рамки ритуала, привнося личные воспоминания и прямое обращение.

Цифровые комментаторы руководствуются намерением интегрироваться в сообщество скорбящих. Поскольку объективная личная связь с умершей отсутствует, комментаторы вынуждены «подтверждать» право на выражение соболезнований через саморефлексию о парадоксальной скорби по незнакомцу, гиперболизацию эмоций и использование клишированных формул. Третья группа демонстрирует цифровую трансформацию акта соболезнования: оно становится массовым, стандартизированным и одновременно гиперболизированным.

Ключевое отличие между группами соболезнующих заключается в способе «подтвердить» свое право на скорбь. Представители первой группы обладают институциональным правом на скорбь. Поскольку в свете трагедии в обществе складываются определенные ожидания, что государство, земля или спортивная федерация должны высказаться в силу высокого статуса, соболезнование официального лица реализует не только репрезентативную, но и антикризисную функции (Быкова, Гавра, 2025). Семья и близкие погибшей обладают личным правом, основанным на личном общении. Комментаторы таким правом не обладают, поэтому вынуждены выстраивать соболезнование через саморефлексию, гиперболизацию и апелляцию к коллективному опыту.

Проведенный анализ открывает перспективы для дальнейших исследований в нескольких направлениях. Сравнительный анализ с аналогичными дискурсами в других языковых и культурных контекстах поможет выявить универсальные и культурно-специфические черты цифрового соболезнования. Не менее плодотворным может оказаться анализ перлокутивного эффекта соболезнования, то есть того, как различные стратегии соболезнования воспринимаются семьей умершей и другими участниками дискурса. Кроме того, накопленный за несколько десятилетий массив данных может предоставить обширную эмпирическую базу для диахронического исследования эволюции траурного дискурса в социальных сетях и прояснить, как изменились формы соболезнования с появлением новых платформ и эмодзи.

Примечание: Facebook, Instagram – деятельность организаций запрещена на территории РФ.

Материалы исследования | Research materials

1. Fassungslos und tief traurig – Ruhe in Frieden, liebe Laura // Sport Bild. 30.07.2025. https://sportbild.bild.de/sportmix/wintersport/ex-biathletin-verungluecckt-reaktionen-auf-tod-von-laura-dahlmeier-688a204b04c6af4608d5c6b3
2. Sie war ein Mensch mit Herz, Haltung und Vision // Welt. 01.08.2025. https://www.welt.de/sport/article688a32618f091c7c8852f361/Laura-Dahlmeier-Sie-war-ein-Mensch-mit-Herz-Haltung-und-Vision.html

3. Zutiefst erschüttert über den plötzlichen und viel zu frühen Tod dieses wunderbaren Menschen“: Trauer um Laura Dahlmeier // SPOX. 30.07.2025. https://www.spox.com/wintersport/listen/zutiefst-erschuettert-ueber-den-ploetzlichen-und-viel-zu-fruehen-tod-dieses-wunderbaren-menschen-trauer-um-laura-dahlmeier/blt3c7fee5d8c3bf448#cs4ba0f0e986d69fab
4. Dahlmeier L. Wir nehmen Abschied von einem großartigen Menschen // Facebook. 30.07.2025. https://www.facebook.com/LauraDahlmeier/posts/wir-nehmen-abschied-von-einem-gro%C3%9Fartigen-menschenlaura-hat-mit-ihrer-herzlichen/1282067829941822/
5. DSV-Biathlon – Wir trauern um unsere ehemalige Athletin und Biathlon-Legende Laura Dahlmeier. // Facebook. 30.07.2025. https://www.facebook.com/DSVBiathlon/posts/wir-trauern-um-unsere-ehemalige-athletin-und-biathlon-legende-laura-dahlmeier-un/1210534704420916/
6. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart, hrsg. v. d. Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften. https://www.dwds.de/
7. FC Schalke 04 – Mit Laura Dahlmeier geht eine große Sportlerin und ein herzlicher Mensch von uns. // Facebook. 30.07.2025. https://www.facebook.com/S04/posts/mit-laura-dahlmeier-geht-eine-gro%C3%9Fe-sportlerin-und-ein-herzlicher-mensch-von-uns/1300426658111427/
8. Heerman D. .‚Eine Königin des Wintersports“: Die Reaktionen auf den tragischen Tod von Laura Dahlmeier // Frankfurter Rundschau 27.07.2025. https://www.fr.de/sport/sport-mix/eine-koenigin-des-wintersports-die-reaktionen-auf-den-tragischen-tod-von-laura-dahlmeier-zr-93860132.html
9. Hönig Q. Stimmen aus Sport und Politik: So trauert die Welt um Laura Dahlmeier. // Augsburger Allgemeine. 01.08.2025. https://www.augsburger-allgemeine.de/sport/laura-dahlmeier-ist-tot-reaktionen-aus-sport-und-politik-01-08-110531442
10. Koch E. Trauerrede für Laura Dahlmeier zur Gemeinderatssitzung am 24. September 2025. // Markt Garmisch-Partenkirchen. 24.07.2025. https://markt.gapa.de/trauer-um-laura-dahlmeier/
11. Möller I. S. “So jemanden wie Laura wird es kein zweites Mal geben”: Deutschland verneigt sich vor Laura Dahlmeier // Brisant. 04.08.2025. https://www.brisant.de/stars/gestorben/laura-dahlmeier-tod-reaktionen-120.html
12. Neuner M. Ich habe das Gefühl, dass das gar nicht stimmen kann // Instagram. 30.07.2025. https://www.instagram.com/p/DMu7MEzNYQk/
13. Neureuther M. Liebe Laura es ist nicht in Worte zu fassen wie sehr mich die Nachricht deines Todes schockiert! // Instagram. 30.07.2025. https://www.instagram.com/p/DMvAFd5t759/
14. Rebensburg V. Liebe Laura, völlig fassungslos und ungläubig bin ich über deinen plötzlichen und viel zu frühen Tod // Facebook. 30.07.2025. https://www.facebook.com/viktoriarebensburg/posts/liebe-laura-v%C3%B6llig-fassungslos-und-ungl%C3%A4ubig-bin-ich-%C3%BCber-deinen-pl%C3%B6tzlichen-und/1351282709692003/
15. Söder M. Zum Tod von Laura Dahlmeier – Ministerpräsident Dr. Markus Söder: “Bayern trauert um Königin des Wintersports” // Bayerische Staatsregierung. 30.07.2025. https://www.bayern.de/zum-tod-von-laura-dahlmeier-ministerpraesident-dr-markus-soeder-bayern-trauert-um-koenigin-des-wintersports/
16. Sport Conrad Wir sind tief berührt über den Verlust von Laura // Facebook. 30.07.2025. https://www.facebook.com/sportconrad/posts/wir-sind-tief-ber%C3%BChrt-%C3%BCber-den-verlust-von-laura-unsere-gedanken-sind-bei-ihrer-/1198020765703931/
17. Steinmeier F.-W. Bundespräsident kondoliert zum Tod von Laura Dahlmeier // Der Bundespräsident. 30.07.2025. https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/DE/2025/07/250730-Kondolenz-Dahlmeier.html
18. Trauer um Ex-Biathletin Laura Dahlmeier: Freunde und Weggefährten nehmen Abschied. // Radio Arabella. 30.07.2025. https://www.radioarabella.de/trauer-um-ex-biathletin-laura-dahlmeier-freunde-und-weggefaehrten-nehmen-abschied-1-2788519/
19. Ullrich F. Ruhe in Frieden in deinen geliebten Bergen, liebe Laura! // Facebook. 30.07.2025. https://www.facebook.com/frank.ullrich.biathlon/posts/ruhe-in-frieden-in-deinen-geliebten-bergen-liebe-laura-bis-zum-schluss-haben-wir/1062595402740667/
20. Weitzel W. Liebe Laura, Ruhe in Frieden // Instagram. 30.07.2025. https://www.instagram.com/willi_weitzel/
21. Wellinger A.Ruhe in Frieden // Instagram. 30.07.2025. https://www.instagram.com/p/DMu9j3GtXPp/

Источники | References

1. Алиева П. М. Вербальное поведение в этикете погребального обряда в арабской и аварской культурах // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). https://doi.org/10.24411/1991-5497-2019-10294
2. Быкова Е. В., Гавра Д. П. Соболезнование как жанр и политическое высказывание в актуальном медиадискурсе // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2025. № 3 (58). https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.3(58).451-465
3. Кожеко А. В. Лингвопрагматические особенности речевого жанра «соболезнование» в интернет-коммуникации // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2020. № 1 (51). https://doi.org/10.25146/1995-0861-2020-51-1-194
4. Логинова А. А. Соболезнование в немецкой культуре: этимологический и исторический аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 11. https://doi.org/10.30853/phil20240611
5. Логинова А. А., Бухаров В. М. Функционально-прагматическая характеристика речевого акта соболезнования с пропозицией «теракт» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 4 (72). https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-91-106

6. Никонова Ж. В. Особенности реализации речевого акта соболезнования в современном немецком публицистическом дискурсе // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2021. Т. 18.
7. Ресенчук А. А., Рябова М. Ю. Этикетная коммуникация: дискурс соболезнования: монография. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2018.
8. Руди Е. В. Этикетные речевые акты в современном немецком языке: дисс. … к. филол. н. Н. Новгород, 2011.
9. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / пер. с англ. В. З. Демьянкова // Новое в зарубежной лингвистике: сборник. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17: Теория речевых актов.
10. Сорокина Ю. А. Особенности функционирования речевого акта соболезнования в современной деловой коммуникации (на материале английского языка) // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2013. № 6.
11. Тарасенко Т. В. Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: автореф. дисс. … к. филол. н. Красноярск, 1999.
12. Трофимова Н. А. Соболезнование: лингвистический взгляд (на материале немецкого языка) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2015. Т. 15. № 2.
13. Харитонова О. Е. Формирование смысла в высказываниях соболезнования (на материале немецкого языка) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2020. № 1 (106). https://doi.org/10.37972/chgpu.2020.52.43.014
14. Янкина Е. В. Адресат речевых жанров социальной поддержки // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2013. Т. 14. № 16 (119).
15. Alemi M., Pazoki Moakhar N., Rezanejad A. A cross-cultural study of condolence strategies in a computer-mediated social network.Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25. No. 2. https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-417-442
16. Al-Shboul Y., Maros M. Condolences Strategies by Jordanians to an obituary status update on Facebook // GEMA Online Journal of Language Studies. 2013. Vol. 13. No. 3
17. Gomez T. Colombian expressions of condolence on Facebook during the COVID-19 crisis // Borealis – An International Journal of Hispanic Linguistics. 2023. Vol. 12. No. 2. https://doi.org/10.7557/1.12.2.7211
18. Samavarchi L., Allami H. Giving condolences by Persian EFL learners: A contrastive socio-pragmatic study // International Journal of English Linguistics. 2012. Vol. 2. No. 1. https://doi.org/10.5539/ijel.v2n1p71
19. Utama S. H. P., Ariatmi S. Z., Hum M. Condolence Expression Used by Social Media Users for the Passing of Kobe Bryant and His Daughter Gianna: Skripsi thesis. Surakarta: Universitas Muhammadiyah Surakarta, 2020.

Информация об авторах | Author information

RU

Логинова Александра Александровна[1]
[1] Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

EN

Aleksandra Aleksandrovna Loginova[1]
[1] Linguistics University of Nizhny Novgorod

[1] *alloginowa@gmail.com*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 25.08.2026; опубликовано online (published online): 09.10.2026.

Ключевые слова (keywords): речевой акт соболезнования; интенциональная установка; прагматика говорящего; социальная роль адресанта; дискурсивная вариативность соболезнования; speech act of condolence; intentional stance; speaker pragmatics; addresser's social role; discursive variation of condolence.